

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, г. Москва)

egorka1988@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

В работе рассматриваются нестандартные явления в русской речи носителей центрального диалекта мокшанского языка (относящегося к финно-угорской группе уральской языковой семьи), предположительно обусловленные контактным влиянием. Материал собран в селах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2013–2016 гг.; в работе кратко описана социалингвистическая ситуация в этих населенных пунктах. Основное внимание уделяется морфосинтаксическим явлениям (особенностям словоизменения и словообразования, приписыванию рода существительному и согласованию по роду в именной группе и в клаузе, отрицательным конструкциям, дифференцированному маркированию прямого объекта, моделям управления глаголов, кодированию локативных групп). Рассматриваются некоторые примеры возможного заимствования моделей на лексическом уровне (например, сочетаемостные особенности глаголов перемещения). Все явления анализируются в сравнении с данными по мокшанскому языку и по другим финно-угорским языкам. Результаты сопоставляются с материалом работ, посвященных особенностям русской речи носителей близкородственного эрзянского языка. Проанализированные в статье данные могут быть использованы (а затем и дополнены) при разработке корпуса русской речи носителей мокшанского языка.

Ключевые слова: мокшанский язык, нестандартные варианты русского языка, языковые контакты, морфосинтаксис, лексическая семантика, социалингвистика.

1. Введение

1.1. Предмет исследования

В статье рассматриваются нестандартные на фоне русской литературной нормы явления, встречающиеся в русской речи носителей мокшанского языка (одного

Исследование мокшанского языка поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

из двух мордовских языков наряду с эрзянским; они относятся финно-угорской группе уральской семьи). Так, в (1) наблюдается рассогласование подлежащего и сказуемого по роду, в (2) — нестандартная модель управления глагола *бояться*, в (3) — не соответствующий литературной норме выбор рода для лексемы *колодец*, а также отсутствие аккумулятивного кодирования прямого дополнения *вода* (источники примеров будут описаны далее).

- (1) *У Васьки собака злой.*
- (2) *Я от тебя боюсь.*
- (3) *С этой колодца таскали домой вода.*

Мы рассмотрим явления, относящиеся к уровням морфологии, синтаксиса и лексики. Исследовательский интерес могут представлять и случаи возможной фонетической интерференции (см., например, [Пуссинен 2010: 116–118]), однако рассматриваться в этой статье они не будут. Поскольку интерференция мокшанского и русского языков на текущий момент не исследована подробно, нашей первоочередной задачей будет исчисление таких явлений местной разновидности русского языка, которые могли бы иметь контактную природу. Строго доказать, что отклонение от ожидаемой модели обусловлено языковыми контактами, а не развилось независимо, достаточно сложно; кроме того, языковое изменение может мотивироваться одновременно контактным влиянием и внутриязыковыми факторами (см., например, обсуждение этих проблем в [Thomason 2001: 91–95; Shay, Frajzyngier 2008; Matras 2009: 149–153, 163–165]). В то же время, само наличие в языке какой-либо неожиданной модели, присутствующей в контактирующем с ним языке, в любом случае значимо для ареально-типологических исследований.

Заметим также, что во всех случаях речь идет о зафиксированных отклонениях от литературной нормы, при этом возможно и употребление тех же конструкций в соответствии с нормой. В данном случае нельзя говорить о возникновении новой языковой разновидности, поскольку мы наблюдаем только нестабильные отклонения от нормы в речи отдельных говорящих, однако и такие данные представляют интерес для понимания контактных моделей (см. также теоретическое обсуждение в [Matras, Sakel 2007 847–852; Рахилина 2014: 87–89, 94–95]).

1.2. Предыдущие исследования

Рассматриваемые в этой статье вопросы изучены не слишком подробно. Большой массив информации о русских говорах Мордовии доступен в [Словарь ... Республики Мордовия 2013] и в других работах диалектологов¹. Однако к этим работам возникает целый ряд вопросов об источниках данных, в частности о том, владеют ли опрошенные информанты эрзянским или мокшанским языком, какой язык является для них родным (или они с рождения билингвы), каков уровень их владения каждым из языков и объем использования разных языков в их

¹ См., например, библиографию по ссылке <http://www.ruslang.ru/doc/dialectolog/mordovia.pdf>.

повседневной жизни. По этой причине ориентироваться на такие данные при исследовании языковых контактов рискованно.

Русская речь носителей эрзянского языка, также распространенного в Мордовии и близкородственного мокшанскому, рассматривалась в [Пуссинен 2010; Щемерова 2014; Shagal 2016]. Сопоставления с этими работами будут приводиться по ходу дальнейшего изложения.

1.3. Структура работы

Дальнейшая часть статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 дается основная социолингвистическая характеристика мокшанского языка; в связи с этими вопросами обсуждаются источники наших данных и некоторые методологические решения. В разделе 3 рассматриваются нестандартные морфосинтаксические явления в русской речи носителей мокшанского языка. Раздел 4 посвящен контактными процессам в области лексической семантики. В разделе 5 подводятся итоги и обсуждаются перспективы дальнейших исследований.

2. Мокшанский язык: социолингвистическая ситуация, данные

По данным, представленным в [Кондрашкина 2016: 291], суммарное число носителей эрзянского и мокшанского языков в России составляет 364.749, из них в Республике Мордовия — 191.164. В [Коряков, Холодилова 2018: 6] указывается, что общая численность говорящих на мордовских языках в России — около 432.000 человек, а в Республике Мордовия — около 230.000 человек. Как отмечают Ю.Б. Коряков и М.А. Холодилова, подсчет числа говорящих на эрзянском и мокшанском языках по отдельности затруднен, поскольку многие респонденты отметили в ходе переписи владение «мордовским» языком².

В нашей статье рассматриваются данные, относящиеся к центральному диалекту мокшанского языка (и, соответственно, русская речь носителей этого диалекта). Учитываются мокшанские говоры сёл Лесное Цибаево и Лесное Ардашево, находящихся в Темниковском районе Мордовии. Материал был собран в 2013–2016 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ, целью которых было комплексное изучение фонетики, грамматики и лексики мокшанского языка (их руководителями в разные годы были А.И. Кузнецова и С.Ю. Толдова, основным научным итогом этих экспедиций стала коллективная монография [Элементы мокшанского языка 2018]).

Посещенные нами сёла в настоящее время входят в состав Бабеевского сельского поселения, общая численность постоянного населения которого на 1 января 2017 г. составляла 832 человека, по данным его официального сайта [Бабеевское сельское поселение]. В сёлах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево мокшанский

² Точка зрения о существовании единого мордовского языка высказывалась и в некоторых научных публикациях, однако мы отвергаем ее вслед за большинством исследователей, см. об этой проблеме [Коряков, Холодилова 2018: 8–9].

используется как язык повседневного общения. Большинство жителей этих сёл относится при этом к старшему и среднему поколениям. Практически все информанты, с которыми велась работа, родились не позже 1960-х гг. Насколько удалось установить при общении с ними, мокшанский язык передается от родителей и бабушек и дедушек к детям, однако младшее поколение носителей постепенно переходит на русский язык (чему способствует и переезд в города). Все жители с. Лесное Цибаево и с. Лесное Ардашево, с которыми мы работали в экспедициях, являются мокшанско-русскими билингвами. Многие носители старшего поколения, по их словам, не знали русского языка до школы. Среди информантов были как более грамотные (учителя, клубные работники и т. п.), так и менее грамотные (часто имеющие 7-8 классов школьного образования, в некоторых случаях только начальное образование). Мы в первую очередь ориентируемся на речь менее грамотных информантов пожилого возраста (1930–1940-х годов рождения), поскольку в ней менее ожидаемо влияние русского литературного языка. Вопрос о том, какие явления в русской речи более системно подвергаются интерференции с мокшанским языком у людей разного уровня грамотности, а какие встречаются в первую очередь у менее грамотных носителей, требует отдельного исследования. Установить зависимость интерференции от возраста носителей на имеющемся материале невозможно, поскольку обсуждаемые явления анализировались в первую очередь в речи пожилых носителей, тогда как молодых носителей мокшанского языка в посещенных селах очень мало.

Поскольку корпуса русских текстов, порожденных носителями мокшанского языка, на данный момент не существует, источником данных стали записанные автором образцы спонтанной русской речи носителей мокшанского языка. Это, во-первых, наблюдения, сделанные при разговоре с жителями посещенных населенных пунктов; во-вторых, аудиозаписи полевой работы, переслушанные при проведении данного исследования (общий объем этих аудиозаписей составляет на текущий момент 8 часов). Из выборки данных исключались русские примеры, полученные в ходе анкетирования носителей как буквальные переводы мокшанских примеров (поскольку в таких случаях информант мог использовать неестественную для своего идиолекта русского языка конструкцию, чтобы более наглядно объяснить исследователю устройство интересующей его мокшанской конструкции). Выявленные примеры, которые можно оценить как нестандартные по сравнению с литературной нормой, сопоставлялись с данными экспедиционного проекта и другими описаниями мокшанского языка с целью установить, имеет ли место в конкретном случае параллелизм структур русского и мокшанского языков (во многих случаях мы приводим и параллели с другими финно-угорскими языками). В ряде случаев проводилась специальная проверка наличия той или иной структуры в мокшанском языке.

В силу отсутствия корпуса рассматриваемой нами территориальной разновидности русского языка мы не приводим в этой работе статистических данных, ограничиваясь только качественной оценкой того, какие нестандартные явления встретились в наших записях. Получение репрезентативной статистики составляет

одну из задач дальнейших исследований. В то же время приводимая в нашей статье предварительная оценка может быть полезна для будущей разработки корпуса, выделяя те явления, на которые следует обратить внимание при разметке текстов.

Записанные нами примеры из русской речи носителей мокшанского языка приводятся в литературной орфографии, поскольку исследование фонетических особенностей не входит в задачи нашего исследования (см. также [von Waldenfels et al. 2014] о возможных преимуществах аналогичного решения в свете задач автоматической обработки диалектных текстов).

Мокшанские примеры, при которых эксплицитно не указан источник, взяты из полевых записей автора статьи. Такие примеры подаются в фонологической транскрипции (используется система, принятая в [Элементы мокшанского языка 2018]). В примерах, заимствованных из других источников, сохраняется система записи источника.

3. Явления в области морфосинтаксиса

3.1. Чередования основ

В русском языке имеется много моделей морфологического чередования, которых нет в мокшанском языке. В некоторых случаях в русской речи носителей мокшанского языка в таких моделях происходят сбои, ср. *не брое́т* (= ‘не бреет’), *пекёт хлеб*, а также словоформы, выделенные в (4)–(6). В (5) сбой в морфологическом чередовании сопровождается меной рода существительного. О последнем процессе см. раздел 3.3.

- (4) *Зае́цы по деревне бега́ли.*
- (5) *Если се́мян какой-нибудь, може́т, упал...*
- (6) *В Явасе живу́т у меня обо́и (= ‘обе’) доче́ри, а сын в Сара́ве.*

В некоторых случаях происходит смешение различных словоизменительных классов, ср. спряжение глагола *дыша́ть* по продуктивной модели глаголов на *-а(j)-* в (7). Подробной информации об устройстве парадигм таких глаголов в собранном на сегодня материале нет.

- (7) *Ребе́нок спи́т, а са́ма, это, че́рез нос ды́шает.*

Подобные отклонения от морфологической нормы литературного языка распространены в русских диалектах, см., например, [Бромлей, Булатова 1972: 127–284; Русская диалектология 1989: 103–117]. Кроме того, модели словоизменения, подобные проиллюстрированным в (4)–(7), не копируют какую бы то ни было морфологическую модель, свойственную мокшанскому языку. Поэтому нельзя говорить, что в описанных случаях происходит заимствование модели из мокшанского языка в русский. Тем не менее, интересны происходящие на фоне ситуации языкового контакта сбои в таких явлениях, которые отсутствуют в доминирующем языке (коим в данном случае является мокшанский).

3.2. Приставочные глаголы

Для мокшанского языка, как и в целом для большинства уральских языков, нехарактерно приставочное словообразование. Этот факт наглядно отражается в лексикографической практике, когда одному и тому же мокшанскому глаголу приписывается множество русских переводных эквивалентов, представляющих собой приставочные дериваты от одного и того же глагола — см., например, варианты перевода глагола *керомс*, приводимые в [Серебренников и др. (ред.) 1998: 251]: «1). отрезать, резать; 2). порезать; 3). разрезать; 4). вырезать; 5). нарезать; 6). распилить, пилить; 7). вырубить, срубить, рубить...». На фоне указанного различия в системе словообразования двух языков отмечаются сбои в употреблении приставочных глаголов в русской речи носителей мокшанского языка:

- (8) *Сын купил ружье и застрелил в окошко* (= ‘выстрелил’).
- (9) *пробьет гвоздь / бьет гвоздь* (= ‘забьет’).
- (10) *Человек злится, кулаки нажмет* (= ‘сожмет’).
- (11) *Копыто вот так ровнее, это, отрежут* (= ‘подрежут’), *чтобы ровной было, и подковы туда.*

В [Пуссинен 2010: 120; Щемерова 2014: 135–137] отдельные примеры такого типа фиксируются в русской речи носителей эрзянского языка. В данном случае, как и в выделенных в разделе 3.1 примерах сбоев в чередованиях основ, происходит не копирование местной разновидностью русского языка какой-либо модели, характерной для мокшанского языка, а нарушение реализации характерной для русского языка модели на фоне того, что такая модель отсутствует в мокшанском языке.

3.3. Категория рода и согласование

Характерной отличительной чертой уральских языков на фоне русского языка является отсутствие категории рода. Это различие проявляется и в собранных нами материалах. Мы зафиксировали примеры сбоев в согласовании, ср. *ровный поле*, а также примеры (12)–(14). В (14) рассказчиком является женщина, в первом случае (*уселась*) корректно выбирающая форму женского рода, а в остальных выделенных в этом примере случаях используя формы мужского рода и по отношению к себе, и в сочетаниях с существительным женского рода *лиса* и с соответствующими ему анафорическими выражениями (последние, заметим, выбираются в этом фрагменте в правильной форме женского рода).

- (12) *У Васьки собака злой.*
- (13) *Весь туча черный был.*
- (14) *Я иду, не уселась на машина, пешком прямо вот здесь, и как вот лиса прыгнула, это листья тоже сухие, ну я чуть не в обморок, это, упал я. И так как испугался я, она, видишь, от меня испугался, а я от нее.*

Встречаются сбои в приписывании существительным типа склонения (коррелирующего с родом), см. примеры использования существительного *сено* в (15) и существительного *платье* в (16).

(15) *На тракторе сену возить пойдешь.*

(16) *Теперь, нет, такую платье ни за что не оденут.*

Такие же явления отмечены в русской речи носителей эрзянского языка в [Пуссинен 2010: 119–120; Shagal 2016: 366–369]. Дальнейшего исследования требует вопрос о том, какие формы рода чаще «выигрывают» и «проигрывают» в ситуации подобных замен (в работе О. Пуссинен сформулированы некоторые предварительные обобщения, однако не вполне ясно, на каких статистических данных они основаны).

3.4. Отрицательные конструкции

Еще одно явление, для которого нам встретилась нестандартная модель устройства в описываемом варианте русского языка, — это конструкции с отрицанием *нет / нету*, требующие в русском литературном языке генитивного оформления субъекта (сведений об отклонениях в оформлении объектного генитива при отрицании у нас на данный момент нет). В мокшанском языке отрицательные конструкции не предполагают генитивного маркирования субъекта, см. (17), где участник, наличие которого отрицается, оформлен номинативом. Более подробно отрицательные конструкции мордовских языков описаны в [Namari, Aasmäe 2015; Козлов А. А. 2018: 381–395].

(17) *Аи ярмак-оне.*

NEG деньги-1SG.POSS.SG(NOM)

‘Нет у меня денег’. [Серебренников и др. (ред.) 1998: 50]

В русской речи носителей, с которыми мы работали, отмечены конструкции с номинативом субъекта при отрицании, сходные с мокшанской моделью:

(18) *Молоко нету?*

(19) *Не плачет, слёзы нету.*

(20) *Зелень-то нету, только листья прошлогодние, например, на земле.*

Такие конструкции не исключены и в диалектной речи, см., например, упоминание об их существовании в севернорусских говорах в [Пожарицкая 2005: 166–167]. В диалектном подкорпусе НКРЯ мы обнаружили один подобный пример, причем записанный в Волгоградской области, где не ожидается финно-угорское влияние:

(21) *Да. И шитокрыто. И неделя нету. А они, дед с бабкой, мать родила и бросила её им.* [Рассказ Миньковой о жизни. Часть 6 (Волгоградская область, 1999)]

Тем не менее, фиксация отрицательных конструкций с нестандартным маркированием участника в варианте русского языка, контактирующего с мокшанским

языком, в любом случае значима для уточнения ареала этого явления. Вопрос о соотношении внутриязыковых и контактных факторов в развитии таких конструкций нуждается в дальнейшем анализе.

В [Пуссинен 2010; Shagal 2016] влияние мордовских языков на русский в области отрицательных конструкций не рассматривалось. В то же время в [Shagal 2016: 369–370] похожие случаи конструкционной интерференции рассмотрены на примере групп с числительными и кванторными словами, где в мордовских языках, в отличие от русского, не используется генитив, что калькируется и в русской речи местного населения, ср. *два дети; дети много* [там же: 369]. В нашем материале примеров интерференции в количественных конструкциях не встретилось, однако это (как и отсутствие примеров отрицательных конструкций в работах предшественников) может быть обусловлено ограниченностью материала и не дает надежных оснований говорить о различиях в контактной ситуации в рассмотренных случаях.

3.5. Дифференцированное маркирование прямого объекта

Русский и мокшанский являются языками с дифференцированным маркированием прямого объекта (см. об этом понятии [Aissen 2003; de Swart, de Hoop 2007] и др.). Однако факторы, влияющие на кодирование прямого объекта, в этих языках не одинаковы. В современном русском языке это одушевленность, тип склонения и числовая форма (ср. общеизвестные примеры типа *Я вижу корову / коров / чашку / чашки / мужика / мужиков / чайник / чайники / ...*).

В мокшанском языке кодирование прямого дополнения определяется факторами его референциального статуса, роли в коммуникативной структуре, аспектуальных характеристик предиката, см. [Толдова 2017, 2018; Козлов 2017; Кашкин 2018]³. Например, в (22) прямое дополнение с определенным референциальным статусом кодируется показателем генитива определенного склонения (особый маркер аккузатива в мокшанском языке отсутствует), а в (23) прямое дополнение с неопределенным референциальным статусом остается немаркированным. Кодирование прямого дополнения в мокшанском коррелирует с выбором типа спряжения глагола: так, в (22) оформленное генитивом прямое дополнение сочетается с формой субъектно-объектного спряжения, тогда как в (23) неоформленное прямое дополнение используется при форме субъектного спряжения глагола.

- (22) *son n'ej-az'ə t'ε pin'ə-t'*
 он видеть-NPST.3SG.S.3SG.O этот собака-DEF.SG.GEN
 'Он увидел эту собаку'. [Толдова 2017: 124]
- (23) *son n'ej-s' pin'ə*
 он видеть-PST.3[SG] собака
 'Он увидел собаку'. [Толдова 2017: 124]

³ Подобный анализ предложен и для ряда других финно-угорских языков, см. [Сердобольская, Толдова 2012].

Противопоставление между типами спряжения, существующее в мокшанском языке, не переносится в местную разновидность русского языка в силу серьезных различий в глагольной морфологии двух языков. Однако в том, что касается оформления прямого дополнения, в русской речи наблюдаются конструкции, не соответствующие русской литературной норме, но соответствующие мокшанской модели, ср. (24)–(27). Форма *овцы́* в (26), по-видимому, может быть проинтерпретирована и как номинатив множественного числа (поскольку в речи этого говорящего в целом встречаются сбои в ударении), и как генитив единственного числа. Обе эти формы в различных контекстах могут кодировать прямое дополнение в мокшанском языке.

(24) *С этой колодца таскали домой вода.*

(25) *Мне сом привозили.*

(26) *Раньше по деревьям даже бегали: у кого овцы́, у кого коза утоцат [о волках].*

(27) *Опять Егор придет, сейчас мне шукура задерет.*

В (27) представлена идиома, кодирование прямого объекта в которой не может быть уверенно проинтерпретировано при имеющихся данных из местной разновидности русского языка и из мокшанского языка. В (24)–(26) прямые объекты имеют родовой референциальный статус в сочетании с коммуникативным статусом фокуса, что способствует отсутствию маркирования в мокшанском языке, и эта же модель в данном случае копируется в русский язык. Более детальное изучение факторов, влияющих на оформление прямого объекта в русской речи носителей мокшанского, требует дальнейшей работы на большем объеме материала. В качестве ближайшей параллели отметим также, что похожие примеры нестандартного для литературной нормы кодирования прямого объекта уже отмечались для северных русских говоров (см. [Ронько 2018] и приводимые там ссылки), и в этом случае тоже не исключается финно-угорское влияние на развитие такой диалектно ограниченной модели в русском языке [там же: 75–76, 99].

3.6. Модели управления

В [Shagal 2016: 372–375] отмечено возникновение у некоторых русских глаголов нестандартных моделей управления, которые могут быть объяснены влиянием эрзянского языка, см. разбираемые там примеры *стесняться от кого-л.* и *спросить от кого-л.* Распределение такого типа калек по различным предикатам и валентностным классам требует дальнейшего изучения, однако отдельные примеры видны уже при имеющемся объеме материала. В наших данных калькирование модели управления обнаружено у предиката *бояться*. В мокшанском языке стимул эмоции при этом предикате кодируется аблативом (28), который может маркировать и исходную точку⁴ (29). Заметим, что та же модель полисемии характерна

⁴ В исследуемых говорах мокшанского языка использование аблатива неопределенного склонения в контекстах исходной точки достаточно ограничено. Преимущественно эта семантическая

для второго актанта глагола ‘бояться’ и в других уральских языках, см., например, марийский глагол *лўдаш* ‘бояться’ [СМЯ] и коми-зырянский *повны* ‘бояться’ [Безносикова и др. 2000: 503].

- (28) *пеле-мс врьгаз-да*
 бояться-INF волк-AVL
 ‘бояться волков’. [Серебренников и др. ред. 1998: 475]
- (29) *яка-с-ть вальма-да вальма-с*
 ходить-PST.3-PL окно-AVL окно-ILL
 ‘ходили от окна к окну’. [Цыганкин 1980: 165]

В русской речи носителей мокшанского языка зафиксированы примеры типа (30)–(31), где стимул эмоции при глаголе *бояться* кодируется группой с предлогом *от*, как исходная точка.

- (30) *Я от тебя боюсь.*
 (31) *Я боюсь от собак так это.*

В [СРНГ III 1968: 146; АОС II 1982: 98] такие конструкции с глаголом *бояться* не отмечены, как нет их и в диалектном подкорпусе НКРЯ (на 127 имеющихся вхождений глагола *бояться*). Поэтому такую модель управления как минимум нельзя оценивать как распространенную в русских диалектах независимо от иноязычного влияния.

3.7. Локативные группы

В русской речи носителей мокшанского языка наблюдаются нестандартные явления, связанные с употреблением предложных групп. Не исключено, что на них может оказывать влияние система мокшанского языка. Первое из таких явлений — это опущение предлогов. Так, в (32) вместо предложной группы *за ягодами* употреблена именная группа *ягодами*, а в (33) предложная группа *к примеру* заменена на именную группу *примеру*. В (33), впрочем, нельзя исключать и фонетического упрощения кластера *к + пр*.

- (32) *Она [сестра] всё ягодами ходит.*
 (33) *Да это просто примеру.*

Примеры такого типа в целом ожидаемы и упоминались в [Пуссинен 2010: 119; Shagal 2016: 370–372], см. также [Кузнецова 2002: 137] об аналогичном явлении в русской речи носителей лугового марийского языка. Их причина состоит в богатстве падежной системы мокшанского языка (как и большинства других

роль кодируется элативом. В то же время в определенном склонении исходная точка маркируется конструкцией с послелогом *ezdә*, содержащим в себе аблативный показатель *-dә*. Подробнее этот вопрос описан в [Козлов Л. С. 2018: 175–179]. Для нашего изложения важно, что аблатив может маркировать исходную точку хотя бы в части контекстов.

финно-угорских языков, см. грамматические очерки в [Языки мира 1993]) по сравнению с падежной системой русского языка: многие из тех значений, которые в русском языке выражаются предложными конструкциями, в мокшанском языке передаются синтетическими падежными формами. Например, конструкция из (32) выражается в мокшанском языке синтетической падежной формой каузалиса (34).

- (34) *min' tu-mə vir'-i ksti-nksə.*
мы уходить-PST.1PL лес-LAT ягода-CSL
'Мы пошли в лес за ягодами'.

Второе из выявленных нами нестандартных явлений — это смешение предлогов, см. (35)–(37).

- (35) *Стучит он [дятел] на это дерево* (вм. *по этому дереву*).
(36) *Ты ходишь на красной рубашке* (вм. *в красной рубашке*).
(37) *...работал в кирпичном заводе* (вм. *на кирпичном заводе*).

Примеры такого рода могут объясняться по-разному. С одной стороны, в таких случаях нельзя исключать обычных отклонений русского просторечия от литературной нормы — см. в частности примеры (38)–(39), найденные в поисковой системе Google. Кроме того, употребление предлогов в русских диалектах может существенно отличаться от литературного языка, что необязательно связано с каким-либо контактным влиянием (см., например, [Гецова 2014; Качинская 2014]).

- (38) *За неделю до нового года с парнем познакомилась, он работает в заводе асфальтном.* [Google]
(39) *В настоящее время работает в заводе, в отделе кадров, а до этого работала продавцом в магазине косметики.* [Google]

С другой стороны, важно, что мокшанские падежные формы могут соответствовать разным типам пространственных ситуаций, которые кодируются по-разному в русском языке. Например, форма инессива может описывать нахождение на поверхности ориентира и нахождение внутри ориентира (40), см. подробнее [Козлов Л. С. 2018: 156–157]. Форма датива определенного склонения⁵ кодирует как конечную точку перемещения (41), так и точку контакта в ситуации удара (42).

- (40) *t'ε provələka-s' s't'ena-sə.*
этот провод-DEF.SG стена-IN
i. 'Этот провод на стене'.
ii. 'Этот провод в стене'. [Козлов Л. С. 2018: 157]
(41) *mon povfta-jn'ə kart'ina-t' s't'ena-t'i.*
я вешать-PST.3.0.1SG.S картина-DEF.SG.GEN стена-DEF.SG.DAT
'Я повесил картину на стену'. [Козлов Л. С. 2018: 168]

⁵ В мокшанском языке имеется сложная система соответствий между падежно-последовательными конструкциями неопределенного и определенного типов склонений, см. подробнее [Холодилова 2018: 85–92].

- (42) *šekšata-s' poka-j šuft-t'i.*
 дятел-DEF.SG стучать-NPST.3[SG] дерево-DEF.SG.DAT
 'Дятел стучит по дереву'.

Полифункциональность инессива в (40) соответствует тем сбоям в употреблении русских предлогов *в* и *на*, которые мы наблюдаем в (36)–(37). Мена предлога *по* на предлог *на* в (35) может объясняться тем, что соответствующие обоим предлогам контексты могут покрываться в мокшанском языке одним и тем же средством — дативом определенного склонения, ср. (41)–(42). Тем самым, вероятно, что и в этих случаях отклонение от литературной нормы в русской речи носителей мокшанского языка могло развиваться под влиянием мокшанской системы.

4. Лексическая семантика

Рассмотрение вопроса о влиянии мордовских языков на русский на уровне лексики в основном сводилось в работах предшественников к выявлению в русских говорах слов, заимствованных из мордовских языков, см., например, [Мызников 2009]. Вопрос о заимствовании каких-либо моделей полисемии, насколько нам известно, детально не рассматривался. В [Shagal 2016] эта проблематика не обсуждается. В [Пуссинен 2010: 121] рассмотрение лексического влияния лишь фрагментарно намечено, а к приводимым примерам возникают вопросы, имеют ли они в действительности контактную природу (ср., например, рассмотрение в этом ряду в работе О. Пуссинен замены формы именительного падежа *татарин* на форму *татар*, трактуемую автором как мордовский вариант). В [Щемерова 2014] приводятся некоторые примеры возможного калькирования и сбоев в употреблении синонимов в русской речи эрзянских детей. Далее мы приведем примеры того, как мокшанский язык может влиять на развитие нестандартных моделей полифункциональности у лексем в местной разновидности русского языка.

Наиболее частый случай возможного контактного влияния в имеющихся данных представлен глаголами перемещения (см. ряд похожих примеров в [Щемерова 2014: 139]). В мокшанском языке они часто совместимы с различными способами перемещения, см., например, глагол *suvats*, возможный в ситуациях перемещения пешком (43), на наземном транспортном средстве (44) или по воздуху (45). В уральских языках такая полифункциональность глаголов перемещения довольно распространена, см., например, в хантыйском языке глагол *мйтты*, первое значение которого сформулировано в [Соловар 2014: 176] как 'идти, уйти, улетать, ехать, плыть', или глагол *йухэтты*, у которого выделяются значения 'прийти', 'приехать', 'прилететь' [там же: 102]⁶; в марийских языках глагол *толаш*, означающий 'прийти', 'приехать', 'прилететь', 'приплыть' [СМЯ] и мн. др.

⁶ Распределение в цитируемом словаре разных значений и вариантов одного значения нерелевантно для целей нашего обсуждения.

- (43) *kud-u suva-s' mil'icion'er-s'*
 дом-LAT заходить-PST.3[SG] милиционер-DEF.SG
 'В дом зашел милиционер'.
- (44) *mašina-s' suva-s' orta-də potm-u.*
 машина-DEF.SG заходить-PST.3[SG] ворота-ABL внутрь-LAT
 'Машина заехала во двор'.
- (45) *pil'ə-zə-n suva-s' karu.*
 ухо-ILL-1SG.POSS заходить-PST.3[SG] муха
 'Мне в ухо залетела муха'.

В русской речи носителей мокшанского языка встречаются примеры, когда глагол, описывающий в литературном языке пешее перемещение, используется при ином способе перемещения. Так, в (46) речь идет о перемещении по воздуху. Предложение (47) использовано при рассказе о внуках, которые живут в городе и приехали к бабушке на каникулы (воспользовавшись автомобильным транспортом). Предложение (48) использовано по отношению к змее, перемещающейся в лесу. В этих случаях можно предполагать контактное влияние мокшанского языка.

- (46) *Зашла пчела что ли или муха в ухо.*
 (47) *При каникулах они приишли.*
 (48) *А он-то [змея] всё равно там ходит [в лесу].*

Копирование русскими лексемами мокшанских моделей полисемии отмечается и в других случаях. Так, в (49) по отношению к стаканам использовано слово *голос*, в русском литературном языке применяемое к звучанию речи человека, но не к звукам, производимым артефактами (см. [Активный словарь 2014: 637–639]). В диалектном подкорпусе НКРЯ таких употреблений этого существительного не встретилось. В [СРНГ VI 1970: 325] указывается, что лексема *голос* может относиться к звуку колокола в говорах Самарской области⁷, однако не приводится каких-либо сведений о ее более широкой сочетаемости в контекстах звучания неодушевленных предметов.

- (49) *Они [стаканы], видишь, стеклянные, и у них голос потоньше, не как чашки.*

Пример (49) имеет параллель в мокшанском языке, где существительное *vajgel'* имеет и значение 'голос' (50), и значение 'звук, шум' (51). Эта полисемия отмечена и в [Серебренников и др. (ред.) 1998: 80]. Тем самым, в данном случае можно предполагать контактное влияние мокшанской системы на русскую.

- (50) *lomat'-t' viškə vajgel'-əc, višk-stə*
 человек-DEF.SG.GEN громкий звук-3SG.POSS.SG громкий-EL
korŋa-j.
 говорить-NPST.3[SG]
 'У человека громкий голос, громко говорит'.

⁷ Примеры, где слово *голос* используется по отношению к колоколу, встречаются и в художественных текстах, ср. *мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах* [И. А. Бунин. Тишина (1901)]

- (51) *skomn'ε-s'* *vajgel' martə s'in'd'-əv-s'*.
 скамейка-DEF.SG звук с ломать-PASS-PST.3[SG]
 'Скамейка с шумом сломалась'.

5. Заключение

В статье были рассмотрены нестандартные относительно литературной нормы явления в русской речи носителей мокшанского языка, возникновение которых может быть обусловлено контактным влиянием. В частности, обсуждались сбои в употреблении приставочных глаголов; нестандартное приписывание рода существительному и нарушение согласования по роду; нестандартное маркирование субъекта в отрицательных конструкциях; развитие нетипичной для русского литературного языка модели дифференцированного маркирования прямого объекта; нестандартные модели управления глаголов и нестандартное кодирование локативных групп; заимствование сочетаемостных моделей (и связанных с ними моделей полисемии) у некоторых лексем. Все эти явления должны учитываться при дальнейших исследованиях данной территориальной разновидности русского языка, в т. ч. при составлении системы разметки соответствующего корпуса.

Требуют дальнейшего рассмотрения и многие теоретические вопросы. Так, на текущей стадии исследования неясно, как связано развитие того или иного контактно обусловленного явления с возрастом и уровнем образования носителя. Многие из наблюдаемых нестандартных моделей в русской речи мокшанского населения, с одной стороны, имеют явные параллели в мокшанском языке, с другой стороны, встречаются в других вариантах русского языка и могли развиваться независимо. Модели взаимодействия внутриязыковых и контактных факторов в таких случаях нуждаются в последующем анализе. Представляет интерес и «двунаправленность» контактного влияния рассматриваемых языков, возникающая не только в ситуации русско-мокшанского контакта. Серьезное влияние русского языка на языки народов России общеизвестно. Одновременно сам русский язык в различных регионах тоже подвергается влиянию соседних языков: это видно и из представленных нами данных, и из исследований других контактных зон (см., например, [Стойнова, Шлуинский 2010] о русской речи лесных энцев, [Даниэль, Добрушина 2013] о русской речи жителей Дагестана и др.). Анализ того, как разные языковые явления распределяются в таких случаях между разными направлениями заимствования и какие социолингвистические ситуации стоят за этим, мог бы представлять интерес для теории и типологии языковых контактов.

Список сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; CSL — каузалис; DAT — датив; DEF — определенное склонение; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив;

INF — инфинитив; LAT — латив; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объект; PL — множественное число; POSS — посессивность; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

Активный словарь русского языка. Т. 2 (В–Г) / отв. ред Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

АОС II — Архангельский областной словарь. Вып. 2. Берёза — Бяще / ред. О. Г. Гецова. М.: Издательство Московского университета, 1982. 216 с.

Бабеевское сельское поселение. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://temnikov.e-mordovia.ru/vill/view/20> (дата обращения: 16.03.2019)

Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. 815 с.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. 449 с.

Гецова О. Г. Из наблюдений над лексикой и синтаксисом архангельских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Вып. 3. Диалектология. С. 96–106.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 186–211.

Диалектный подкорпус национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-dialect.html> (дата обращения 16.03.2019)

Качинская И. Б. Предлог *pri* в архангельских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. Вып. 3. Диалектология. С. 107–119.

Кашкин Е. В. Определенное склонение // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 122–153.

Козлов А. А. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII, №3. С. 158–193.

Козлов А. А. Морфология глагола // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 342–395.

Козлов Л. С. Локативные падежи // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 154–182.

Кондрашкина Е. А. Мордовский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 289–293.

Коряков Ю. Б., Холодилова М. А. Общие сведения о мокшанском языке и исследуемом говоре // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 6–17.

Кузнецова А. И. Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // Языковые контакты Поволжья (Симпозиум в городе Турку, 16–18.8.2001) / ред. Й. Луутонен. Турку: Университет Турку, 2002. С. 127–138.

Мызников С. А. Особенности мордовско-русских языковых контактов (по материалам лексикографических источников и полевых данных) // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 68–78.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология: Учебник. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. 256 с.

Пуссинен О. Особенности языковой ситуации и русского языка в Мордовии // Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 111–133.

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.

Ронько Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. М., 2018. 137 с.

Русская диалектология / ред. Л. Л. Касаткин. М.: Просвещение, 1989. 224 с.

Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. И. Кузнецова, ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 59–141.

Серебренников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. Мокшанско-русский словарь. М.: Русский язык, Дигора, 1998. 920 с.

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I, II. СПб.: Наука, 2013. xlv + 1560 с.

СМЯ — Словарь марийского языка в 10 тт. [Электронный ресурс]. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения: 14.03.2019)

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014. 386 с.

СРНГ III — Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блазнишка — Бяшутка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 360 с.

СРНГ VI — Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Выросток — Гон. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. 360 с.

Стойнова Н. М., Шлуинский А. Б. Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 153–165.

Толдова С. Ю. Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII, № 3. С. 123–157.

Толдова С. Ю. Дифференцированное кодирование прямого дополнения // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 574–608.

Холодилова М. А. Морфология имени // [Элементы мокшанского языка 2018]. С. 63–121.

Цыганкин Д. В. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. Саранск: Мордовский государственный университет, 1980. 431 с.

Щемерова Н. Особенности проявления лексико-семантической интерференции в русской речи эрзянских детей-билингвов // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Helsinki: University of Helsinki, 2014. P. 132–144.

Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. xxiv + 1014 с.

Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. 398 с.

Aissen J. Differential object marking: iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. P. 435–483.

de Swart P., de Hoop H. Semantic aspects of differential object marking // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 11* / ed. by E. Puig-Waldmuller. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2007. P. 568–581.

Hamari A., Aasmäe N. Negation in Erzya // *Negation in Uralic languages* / ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 293–323.

Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in language*. 2007. №4. P. 829–865.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field* / ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 363–377.

Shay E., Frajzynger Z. Language-internal versus contact-induced change: the split coding of person and number: a Stefan Elders question // *Journal of language contact*. 2009. №1. P. 274–296.

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 321 p.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 720–728.

Egor Kashkin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS

(Russia, Moscow)

egorka1988@gmail.com

SOME PECULIARITIES OF THE RUSSIAN SPEECH OF MOKSHA SPEAKERS

This paper deals with non-standard phenomena in the Russian speech of Moksha-Russian bilinguals which could probably be contact-induced. Moksha belongs to the Finno-Ugric branch of the Uralic family; the data were collected in the villages of Lesnoje Tsibaevo and Lesnoje Ardashevo in 2013–2016. The sociolinguistic situation in these villages is touched upon in the article. The main focus is put on the morphosyntactic phenomena (some deviations from Standard Russian in inflection and in derivation; gender assignment and agreement; expressions of negation; differential object marking; valency patterns; encoding of locative phrases). Some examples of pattern borrowing in the lexicon are considered as well (e. g. collocational properties of motion verbs). Examples from this non-standard variety of Russian are compared with Moksha and with other Finno-Ugric languages. The comparison is also drawn with some papers dealing with the Russian speech of Erzya-Russian bilinguals (Erzya being the language the most closely related to Moksha). The data discussed in this article can be used (and further elaborated on) in developing a corpus of Russian spoken by Moksha-Russian bilinguals.

Keywords: Moksha, non-standard varieties of Russian, language contact, morphosyntax, lexical semantics, sociolinguistics.

References

Aissen J. Differential object marking: iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2003, vol. 21, pp. 435–483.

Aktivnyi slovar' russkogo yazyka [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. / ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 736 p.

Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 2. / ed. by O. G. Getsova. Moscow, Moscow State University Publ., 1982. 216 p.

Babeevskoe sel'skoe poselenie [Babeevo rural district]. Official website. Available at: <http://temnikov.e-mordovia.ru/vill/view/20> (accessed 16.03.2019)

Beznosikova L. M., Aibabina E. A., Kosnyreva R. I. *Komi-roch kyvchukör (Komi-russkii slovar')* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar, Komi Publishing House, 2000. 815 p.

Bromlei S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov* [Sketches on the morphology of Russian local dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 449 p.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. [A corpus of Russian as L2: the case of Dagestan]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue" (Bekasovo, May 29 — June 2, 2013)*. Issue 12 (19). Moscow, RSUH Publ., 2013. P. 186–211. (In Russ.)

de Swart P., de Hoop H. Semantic aspects of differential object marking. *Proceedings of Sinn und Bedeutung 11*, ed. by E. Puig-Waldmüller. Barcelona, Universitat Pompeu Fabra, 2007. pp. 568–581.

Dialect subcorpus of the Russian National Corpus. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-dialect.html> (accessed 16.03.2019)

Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii [Elements of Moksha from the typological point of view] / ed. by S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin. Moscow, Buki Vedi Publ., 2018. xxiv + 1014 p.

Getsova O. G. [From observations over dialectal vocabulary and syntax]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2014, vol. 3 (Dialectology), pp. 96–106. (In Russ.)

Hamari A., Aasmäe N. Negation in Erzya. *Negation in Uralic languages*, ed. by M. Miestamo, A. Tamm and B. Wagner-Nagy. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, pp. 293–323.

Kachinskaya I. B. [Russian preposition *npu* in Arkhangelsk Region]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2014, vol. 3 (Dialectology), pp. 107–119. (In Russ.)

Kashkin E. V. [Definite declension]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 122–153. (In Russ.)

Kholodilova M. A. [Nominal morphology]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 63–121. (In Russ.)

Kondrashkina E. A. [Mordvin]. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 289–293. (In Russ.)

Koryakov Yu. B., Kholodilova M. A. [Essential information on Moksha and on its local variety under consideration]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 6–17. (In Russ.)

Kozlov A. A. [Actionality and DOM in Moksha: grammaticalization cycles]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, no. 3, pp. 158–193. (In Russ.)

Kozlov A. A. [Verbal morphology]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 342–395. (In Russ.)

Kozlov L. S. [Locative cases]. [*Elementy mokshanskogo yazyka 2018*], pp. 154–182. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. [Staryi Tor’yal at the crossroads: causes of the changes taking place in the local dialect]. *Yazykovye kontakty Povolzh’ya (Simposium v gorode Turku, 16–18.8.2001)* [Language contact in the Volga region (Symposium in Turku, 16–18.8.2001)], ed. by J. Luotonen. Turku, University of Turku, 2002, pp. 127–138. (In Russ.)

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 384 p.

Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in language*, 2007, no. 4, pp. 829–865.

Myznikov S. A. [Peculiarities of Mordvin-Russian language contact (evidence from lexicographic sources and field data)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical atlas of Russian local dialects. (Data and research papers) 2009]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 68–78. (In Russ.)

Pozharitskaya S. K. *Russkaya dialektologiya: Uchebnik* [Russian dialectology: a textbook]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2005. 256 p.

Pussinen O. [Peculiarities of the language situation and of Russian in Mordovia]. *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 111–133.

Rakhilina E. V. [Grammar of mistakes: looking for constants]. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memoriam of A. E. Kibrik]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russ.)

Ron'ko R. V. *Nominativnyi ob'ekt v drevnerusskom yazyke i severnorusskikh dialektakh v areal'noi i tipologicheskoi perspektive. Dis. kand. filol. nauk* [Nominative object in Old Russian and in the Northern Russian dialects from the areal and typological perspective. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 137 p.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 224 p.

Schemerova N. [The peculiarities of lexical-semantic interference in the Russian speech of Erzya bilingual children]. *Instrumentarij rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and bilingualism], ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki, University of Helsinki, 2014, pp. 132–144. (In Russ.)

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. [Differential object marking in the Finno-Ugric languages]. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches], ed. by A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012, pp. 59–141. (In Russ.)

Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Polyakov O. E. *Mokshansko-russkii slovar'* [Moksha-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., Digora Publ., 1998. 920 p.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers. *Mordvin languages in the field*, ed. by K. Shagal and H. Arjava. Helsinki, University of Helsinki, 2016. pp. 363–377.

Shay E., Frajzynger Z. Language-internal versus contact-induced change: the split coding of person and number: a Stefan Elders question. *Journal of language contact*, 2009, no. 1, pp. 274–296.

Slovar' mariiskogo yazyka v 10 tt. [Dictionary of Mari in 10 vol.]. Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed 14.03.2019)

Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya [Dictionary of Russian local dialects spoken in the Republic of Mordovia]. Parts I, II. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2013. xlv + 1560 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian local dialects]. Vol. 3. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1968. 360 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian local dialects]. Vol. 6. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1970. 360 p.

Solovar V.N. *Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen', OOO «Format» Publ., 2014. 386 p.

Stoinova N.M., Shluinskii A.B. [Russian speech of Forest Enets people: sketches by the researchers of an endangered language] // *Instrumentarium of linguistics: socio-linguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova and N. Vakhtin. Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 153–165. (In Russ.)

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. 321 p.

Toldova S. Yu. [Encoding direct objects in Moksha]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, no. 3, pp. 123–157. (In Russ.)

Toldova S. Yu. [Differential object marking] // [*Elementy mokshanskogo yazyka* 2018], pp. 574–608. (In Russ.)

Tsygankin D.V. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika. Grafika. Orfografiya. Morfologiya* [Grammar of the Mordvin languages. Phonetics. Graphics. Orthography. Morphology]. Saransk, Mordovian State University Publ., 1980. 431 p.

von Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue" (Bekasovo, June 4–8 2014)*. Issue 13 (20). Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 720–728.

Yazyki mira. Ural'skie yazyki [Languages of the world. Uralic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 398 p.